

Научная статья

УДК 94(497.11+497.2)“1920/1926”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К «РАСШИРЕНИЮ» НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ (1920–1926 ГГ.)

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350040, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Введение. Настоящая статья посвящена актуальной теме формирования модели взаимоотношения большевиков с российским крестьянством в условиях экономического и военно-политического кризиса начала 1920-х гг. Рассматриваемый вопрос приобретает не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость. В условиях современных перманентных реформ важной задачей становится разработка оптимальной стратегии взаимодействия государства и общества. Возможность обратиться к историческому опыту позволяет избежать повторения конфронтационных сценариев, а с другой стороны, использовать апробированный опыт преодоления кризиса взаимоотношений. Историкография вопроса весьма обширна и в своём развитии прошла четыре основных этапа: первый – 1920-е – 1930-е гг., второй – 1930-е – первая половина 1950-х гг.; третий – середина 1950-х – 1980-е гг. и четвёртый – вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время, для которых характерна зависимость исследователей от политической конъюнктуры, складывающейся в стране. **Материалы и методы.** Исследование основано на новых документальных источниках, содержащихся в федеральных и региональных архивах, которые позволяют изучить процесс формирования внутренней политики большевиков в аграрном регионе. В ходе исследования использованы ретроспективный, проблемно-хронологический методы, а также сравнительно-исторический и системно-структурный подходы. **Анализ.** Советская Россия в начале

1920-х гг. пережила военно-политический кризис. Логика и содержание внутренней политики РКП(б) была сведена к удержанию власти и подавлению сопротивления части сельского населения, активно выражавшее своё несогласие. **Результаты.** В ходе исследования мы пришли к следующим выводам, что в период нэпа, эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения зависела от результатов продовольственной, земельной политики и выборов в советы, но при этом элементы военного коммунизма присутствовали во всех сферах общественной и экономической жизни.

Ключевые слова: большевики, военный коммунизм, власть, казаки, «лицом к деревне», насилие, расширение «новой экономической политики», советы, сельское население

Для цитирования: Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 331–338. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

FROM WAR COMMUNISM TO THE "EXPANSION" OF THE NEW ECONOMIC POLICY: THE EVOLUTION OF THE BOLSHEVIKS DOMESTIC POLICY TOWARDS THE RURAL POPULATION OF KUBAN AND THE BLACK SEA REGION (1920–1926)

Yuri A. Yahutl

Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. Introduction. The article studies a topical issue of forming a model of the relationship between the Bolsheviks and the Russian peasantry in the conditions of the economic and military-political crisis of the early 1920s. The issue under consideration acquires not only theoretical, but also pronounced practical significance. In the context of modern permanent reforms, the development of an optimal strategy for interaction between the state and society becomes an important task. The opportunity to turn to historical experience makes it possible to avoid repetition of confrontational scenarios, and on the other hand, to use proven experience in overcoming the crisis of relationships. The historiography of the issue is very extensive and has passed through four main stages in its development: the first – 1920s – 1930s, the second – 1930s - the first half of the 1950s; the third – mid-1950s – 1980s and the fourth – the second half of the 1980s – to the present time, which is characterized by the dependence of researchers on the political situation prevailing in

the country. **Materials and Methods.** The research is based on new documentary sources contained in federal and regional archives, which allow us to study the process of forming the internal policy of the Bolsheviks in the agrarian region. The research uses retrospective, problem-chronological methods, as well as comparative-historical and systemic-structural approaches. **Analysis.** Soviet Russia experienced a military and political crisis in the early 1920s. The logic and content of the internal policy of the RCP(b) was reduced to retaining power and suppressing the resistance of a part of the rural population that actively expressed their disagreement. **Results.** In the course of the study, we came to the following conclusions that during the NEP period, the evolution of the Bolsheviks domestic policy towards the rural population depended on the results of food, land policy and elections to the soviets, but at the same time, elements of war communism were present in all spheres of social and economic life.

Keywords: bolsheviks, war communism, government, cossacks, "facing the countryside", violence, expansion of the "new economic policy", Soviets, rural population

For citation: Yahuti YuA. From War Communism to the "expansion" of the New Economic Policy: the Evolution of the Bolsheviks Domestic Policy towards the Rural Population of Kuban and the Black Sea region (1920–1926). *Humanities and*

law research. 2024;11(2):331-338. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

Введение. Главной темой с момента установления советской власти в Кубано-Черноморской области было формирование региональной политики в отношении сельского населения, особенно казачества. Эти отношения не носили линейный характер и во многом были предопределены содержанием продовольственной, земельной политики и выборов в местные органы власти. Большевики признавали, что казаки не всегда были настроены «контрреволюционно». На начальном этапе Российской революции РКП(б) получал поддержку со стороны казаков-фронтовиков. После повторного восстановления советской власти весной 1920 г. на Юге России началось, по образному выражению самих большевиков, «лихорадочное советское строительство». На этом этапе коммунисты получили поддержку со стороны иногородних, а часть казачества, в первую очередь из числа её зажиточных слоёв, заняли антигосударственную или выжидательную позицию.

Последние подразделения белой армии во главе с генералом Морозовым сдались в районе г. Сочи и г. Адлера весной 1920 г. Сдавшиеся рядовые казаки вступили в РККА, а часть была распущена по домам. Офицерский состав подвергся серьёзному воздействию со стороны спецслужб, были проведены аресты, часть офицеров отправили в концентрационные лагеря, а некоторые скрылись в станицах и городах Кубани и Черноморья. В регионе можно было отметить определённое смятение – казачье население ждало ответных действий со стороны большевиков, опасаясь мести за события 1918 г.

Стратегическая цель большевиков – строительство социализма путём установления диктатуры пролетариата неминуемо вело к конфликту с крестьянством и казачеством России, составлявшем большинство населения страны [1, с. 144]. Воспринимая сельское население как мелкобуржуазную массу, большевики считали необходимым преодоление «частнособственнической» природы на основе технического перевооружения и создания коллективных форм хозяйствования в аграрном секторе экономики. Получив свою практическую реализацию в годы Гражданской войны, идеология военного коммунизма стала для большевиков приемлемой формулой в достижении поставленной цели – строительства социализма. Таким образом, наработанный опыт получил в регионе широкое применение в начале 1920-х гг., за исключением лишь комбедов, от создания которых пришлось большевикам отказаться [21].

Материалы и методы. Исследование основано на принципах объективности, историзма. Это позволило изучить существующие точки зрения по вопросам повстанческого движения 1920-х гг., как следствие военно-коммунистических методов большевиков при реализации продовольственной и земельной политики. В статье применяется комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию продовольственной, земельной политики и процесс советизации Кубано-Черноморской области за период с 1920 г. по 1926 г. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению результатов начального этапа нэпа и политики «лицом к деревне». Таким образом, эти методы позволили изучить нэповскую действительность на различных этапах её развития и определить соотношение закономерностей и региональных особенностей в период 1920–1926 гг. Исследование основано на архивных источниках. Автор использует материалы из центральных и региональных архивов для уточнения и подкрепления своих позиций. Комплекс документов представлен аналитическими материалами, отчётами органов РКП(б), РККА и местных советских органов. В статье использованы архивные фонды Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 64. – Кавказское бюро ЦК РКП(б)), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (Ф. 1. – Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)), Государственного архива Краснодарского края (Р–102 – Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома, Р–104 – Краснодарская отдельско-городская советская рабоче-крестьянская милиция исполнительного комитета Краснодарского отдельского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, Р–158. – Кубано-Черноморский областной революционный комитет), Отдела специальных фондов ГУ МВД России по Краснодарскому краю (Ф. 18 – Кубанский окружной отдел О.Г.П.У.), которые позволяют объективно изучить содержание конфликта и коммуникативные связи сельского населения казачьего региона и власти. Следует отметить, что историки продолжают активно изучать процесс формирования советских органов власти, формы протестного движения крестьян и казаков на разных этапах нэпа [22, 16, 24, 15, 12, 2, 14]

Анализ. Большевики пытались избегать крайних мер, добиваясь «умиротворения» обла-

сти. Однако повторная советизация на Кубани и Черноморье ознаменовалась началом активного протестного движения, основу которого составляли бывшие офицеры, солдаты белой армии и местное население. Отсутствие надлежащего руководства деятельностью местных советских органов, опытных работников оказали значительную роль на позицию кубанских казаков, которые стали ориентироваться на антибольшевистские лозунги [27, л. 81]. На местах стали активно реализовывать политику преследования казаков по сословным признакам – «расказачивание». Форма и методы проявления этой политики были различными: захватывали земельные наделы казаков, конфисковывали продовольствие и имущество, срывали черкески, папахи, кинжалы и др. Так назревал крестьянский бунт, который стал составной частью Гражданской войны [17, с. 285].

Следует отметить, что большевики исходили из классовых принципов в ходе решения продовольственного и земельного вопроса, поэтому больших различий не делали между зажиточными хозяйствами иногородних и казаков. Население восторгалось советской властью лишь до начала продразвёрстки. Казачество выступило против военно-коммунистических мероприятий, прежде всего продразвёрстки, порождавшее негодование всего сельского населения [23, л. 136.]. Правда, региональные руководители попытались обвинить в этих действиях, так называемых лже-революционеров, тем самым дистанцироваться от непопулярных действий местных партийных и советских органов. Такая накалённая военно-политическая обстановка усиливала репрессии со стороны РКП(б) и воинских частей, дислоцированных в области. В августе 1920 г. на основании приказа Особо Уполномоченного Революционного Военного Совета IX армии и революционного комитета Баталпашинского отдела во внесудебном порядке к высшей мере наказания были приговорены 20 человек, обвиняемых в различных видах преступлений, а именно: антисоветские высказывания, принадлежность к белой армии, убийства советских работников. [8, л. 26]. Такая практика стала составной частью региональной политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья. Центром подавления протестного движения стали «чрезвычайные тройки». Политика насилия и военного террора приносила как пользу по умиротворению казачьего региона, так и создавала новые проблемы для власти, которая фиксировала рост повстанческих отрядов, активный уход казаков в бело-зелёные отряды, пассивное сопротивление реализуемой продовольственной политике. Некоторые крупные населённые пункты области были на осадном положении из-за активности бело-зелёных формирований [7, л. 124]. Проведённая

же мобилизация молодёжи 1901 г. рождения ещё больше увеличила численный состав повстанческих отрядов Кубани и Черноморья, так как казаки активно уклонялись от призыва в РККА и уходили в бело-зелёные отряды. Таким образом, за первые полгода после восстановления советской власти в регионе нарастает повстанческое движение, в особенности в таких отделах как Приморско-Ахтарский, Славянский, Темрюкский, Каневской и др. Только в районе станиц Ахтарской, Абинской, Шапсугской, Эриванской были сосредоточены отряды бело-зелёных общей численностью более 700 человек. Реакция большевиков на такой рост сопротивления со стороны местного сельского населения была мгновенной и жёсткой. Отряды ЧОН (частей особого назначения) и части IX армии РККА провели «красный террор», взяли заложников, расстреляли активных участников антиправительственных выступлений. Численность отрядов после таких акций, по словам участников «красного террора», сократилась с 700 до 150 [10, л. 24]. Применялись и меры агитации, которые на этом этапе не имели существенного результата. В свою очередь, казаки-повстанцы тоже обращались к красноармейцам, предлагая «перестать вести борьбу с оружием в руках против казаков» [5, л. 168].

Главным источником конфликта был продовольственный вопрос. Ещё на I Всероссийском съезде трудового казачества В.И. Ленин призывал хлеборобов отдать государству излишки хлеба [18, с. 186,187]. Большевики признавали наличие в регионе проблем с продовольственным снабжением населения, но, по их мнению, в сравнении с центральной Россией положение на Кубани было лучше. Однако объективная ситуация свидетельствовала о наличии острого продовольственного кризиса в кубанских станицах. Отказ станичников Кубани сдавать хлеб и посевной материал провоцировал РКП(б) на насильственную конфискацию хлеба, проводимую 65 продовольственными отрядами численностью 1 400 человек, которым помогали воинские подразделения в количестве 12 000 красноармейцев [11, с. 73]. Как следствие радикальных действий со стороны Советской власти с августа 1920 г. весь регион был охвачен повстанческим движением. Наступивший 1921 г. стал началом реализации новой продовольственной политики РКП(б) – продналог, содержание которого было озвучено на X съезде партии в марте 1921 г. Но это решение не оказало существенного влияния на содержание взаимоотношений власти и сельского населения Советской России, в том числе и Кубано-Черноморской области. Средства и методы продразвёрстки продолжали активно применяться в отношении сельского населения региона. Станицы, не исполнившие план продналога, а на практике продразвёрстки подвергались

полной экономической блокаде, конфискации имущества и т.д. [9, л. 5].

Большевики стали активно отменять итоги выборов и возвращаться к ревкомам [6, л. 126.]. Наряду с возвратом к ревкомовским практикам устанавливался контроль партии над окружными советами. Одновременно продолжался рост повстанческого движения, которое возглавили Фостиков, Белов-Рутецкий, Серебряков и др. В конце лета 1921 г. нависла угроза штурма г. Красnodара отрядами генерала М. А. Пржевальского, но они были разбиты регулярными частями РККА. В последующем, инициатива в противостоянии с советской властью перешла полковнику Жукову. Однако повстанческое движение казаков и крестьян, которое состояло из многочисленных отрядов не имело политического и организационного единства, что и предопределило преимущество советской власти. Бело-зелёное движение было разнородным как по социальному составу, так и по политическим целям, содержание которых можно было увидеть в лозунгах: от казачьей самостийности, граничащей с сепаратизмом до монархических и эсеровских призывов. Осенью 1922 г. отряды Жукова и Дубины, как наиболее боеспособные, потерпели поражение – массовое повстанческое движение пошло на убыль. По мнению руководства Северо-Кавказского края, «политический бандитизм» был ликвидирован в основном к 1922 г. [19, с. 211]. Всего на территории Кубани и Черноморья за период с 1920 г. по 1924 г. было ликвидировано 417 бело-зелёных отрядов, 4 повстанческие армии общей численностью 46 343 человека, на вооружении которых находилось 12 орудий и 188 пулемётов. В ходе этих событий военно-полевыми судами к высшей мере наказания приговорили 2 000 человек [10, л. 32, 35].

Особое место в общественной жизни кубанской станицы занимали первые выборные кампании в советы. Однако цели и организация этих выборов расценивалась казаками и большевиками по-разному. Для большевиков советы без коммунистов были не легитимны, в отличие от казаков, которые надеялись на сохранение своих традиционных форм самоуправления. Часто на выборных собраниях звучал лозунг: «Надо выбирать в советы только коммунистов» [6, л. 123]. В этом противостоянии прошли выборы периода 1920 – 1923 гг. Партия большевиков на этом историческом отрезке столкнулась с кризисом выживания в ходе выборных кампаний. Военно-политическая обстановка в регионе приобретала для большевиков характер всеобъемлющего кризиса, разрешение которого было передано военным структурам и реввоенсоветам.

Проблемы российского крестьянства и казачества в начале 1920-х гг. во многом были предопределены незавершённостью реформ предшествующего периода и началом радикальной политики большевиков по непосред-

ственному строительству социализма методами политики военного коммунизма. Жители станиц и сел Советской России не могли противостоять власти по ряду объективных причин, которые характеризовали в целом крестьянское движение: отсутствие единой политической партии, способной выражать и защищать их интересы, разобщённость, региональный характер сопротивления и ментальность. Следовательно, протест российских крестьян, в том числе, казаков Кубано-Черноморской области в начале 1920-х обусловленный откровенными военно-коммунистическими методами руководства со стороны большевиков, был обречён. В этих условиях для казаков и крестьян фактор времени имел важное значение, так как он определял содержание компромиссного решения, которое неминуемо должно было быть принято. Обе стороны конфликта, уставшие от войны, преследовали свои цели: большевики должны были сохранить власть под контролем, а казаки и крестьяне хотели вернуться к мирной жизни и работать в своём хозяйстве, гарантируя себя от репрессий заключённым компромиссом.

Таким образом, с момента завершения Гражданской войны, принципы взаимоотношений казачества и крестьянства с правящей партией РКП(б), которые формировались на этапе новой экономической политике (1921 – 1929 гг.) можно разделить на два субэтапа. Водоразделом между субэтапами выступила политика «лицом к деревне», которая в казачьих регионах трансформировалась в политическую кампанию «лицом к казачеству». В первой половине 1920-х гг. взаимоотношение между РКП(б) и казачеством можно было характеризовать как настороженно-недоверчивое, вследствие активного участия казачества на стороне белой армии и бело-зелёном движении. В последующем, после ослабления военно-коммунистических методов и принятия решения по продовольственному вопросу, отвечавшего интересам сельского населения, эти отношения улучшились. Показателем роста доверия друг к другу стали выборы в советы в период «расширения» нэпа 1924 – 1926 гг. В ходе выборных кампаний возросла активность сельского населения, в том числе и казачества чьё представительство в местном самоуправлении увеличилось [26, с. 224].

Поводом к изменению курса РКП(б) послужило восстание в Грузии в августе 1924 г. и результаты выборов в советы, явка на которых в некоторых случаях составила менее 35%. Президиум ЦИК СССР 29 декабря 1924 г. принял беспрецедентное решение, отменив итоги выборов, назначив соответственно новые. Видные деятели РКП(б) – Н.И. Бухарин, А.И. Рыков в острых дискуссиях на партийных форумах отстаивали идею ослабления государственного контроля и регулирования экономической и общественной жизни в СССР. На пленуме ЦК

РКП(б) 25 – 27 октября 1924 г. были одобрены значительные изменения в аграрной политике, а также в организации и проведении выборов в советы, что должно было расширить и упрочить социальную базу большевиков в советской деревне. Этот период в истории экономических реформ Советской России (осень 1924 г. – весна 1926 г.) исследователи определили как «расширения нэпа» [3, с. 112].

На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1925 г. большинство участников партийного форума поддержали программу нового курса «лицом к деревне», что означало учёт интересов всех социальных слоёв российской деревни, а не только её беднейшей части и лояльное отношение к развитию капиталистических отношений. Была разрешена сдача земли в аренду на 12 лет и возможность выделения из общины на хутора, а также узаконен найм сельскохозяйственных рабочих. Снизилась сельскохозяйственный налог на 40%. Взятые активные темпы коллективизации, были признаны несостоятельными, государство перестало поддерживать убыточные колхозы и совхозы. Резолюция пленума по казачьему вопросу запрещала насильственные формы уничтожения сословности. Казаки получили право служить в РККА, занимать выборные и административные должности. На региональном уровне формировалась новая тактика во взаимоотношении с казачеством, основным содержанием которой было сотрудничество [13, с. 340–351].

Решения, принятые в центре, воспринимались на местах неоднозначно и были оценены как очередные уступки зажиточной части сельского населения. Но эти реформы отвечали в большей мере интересам середняцких слоёв доколхозной деревни. Таким образом, на общероссийском уровне прозвучали призывы к терпению, добровольности и перехода к методам убеждения в работе с сельским населением [20, с. 90].

Руководство Кубанского округа к середине 1920-х гг. с учётом происходящих событий в рамках реализации политики «лицом к деревне» понимало необходимость новой оценки общественно-политической и экономической обстановки и формирования региональных перспектив развития. По мнению партийных структур и органов ОГПУ Кубани, следовало тщательно изучить содержание многосложных процессов, происходивших в казачьей среде. Эта точка зрения нашла своё отражение в решениях пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 21–24 ноября 1924 г., в результате чего большевикам пришлось пойти на значительные уступки хлеборобам региона.

Реализация реформ к середине 1920-х гг. способствовала хозяйственному возрождению аграрного сектора экономики региона. Всего по Кубанскому округу насчитывалось 245 479 индивидуальных хозяйств. Валовая продукция сель-

ского хозяйства округа в 1924/25 финансовом году составила около 176 млн р., а промышленности лишь 41 млн р. Годовой прирост основного капитала индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств достигал 10%. Но темпы восстановления казачьих и крестьянских хозяйств, по мнению РКП(б), были невысокими и не отвечали политическим, экономическим задачам социалистического строительства. Выборочное обследование индивидуальных хозяйств свидетельствовало о том, что 43,5% хозяйств не имели инвентаря, а 40,8% – были безлошадными. В сельском хозяйстве было занято до 20 000 батраков, которые работали в хозяйствах зажиточных казаков и иногородних [10, с. 45].

Таким образом, восстановительный процесс способствовал дальнейшему имущественному и социальному расслоению кубанской станицы, что вело к очередному конфликту с властью, которая откровенно поддерживала беднейшую часть сельского населения. Казаки-середняки, составлявшие большинство сельского населения, проявляли лояльность, но она была не в пользу советской власти.

Остро стоял вопрос землеустройства, который служил очередным источником конфликта между зажиточной частью кубанской станицы и большевиками. Сословные противоречия становились главным фактором, препятствовавшим перераспределению земли. Зажиточные казаки использовали как откровенное давление, так и подкуп бедняцких хозяйств, экономически зависевшие от них. Они вели активную агитацию среди середняков и беднейшей части казачества, и иногородних против передела земли. При этом, использовали и прямые угрозы, вплоть до убийства, аргументирую это тем, что: «...мы, казаки, рассчитаемся с вами, когда придут наши» [10, с. 36]. В результате Кубанский округ смог к 1925 г. провести землеустроительные работы лишь на площади 1 749 212 дес. из 3 277 711 дес. предназначенных для этих работ [10, с. 6–8].

Наиболее ярко последствия политики «лицом к казачеству» проявились в процессе очередных выборов, прошедших в марте 1925 г. Используя подкуп и шантаж зажиточная часть казачества в ходе выборов блокировала кандидатов в депутаты от иногородних или казаков-бедняков. В станичных советах по итогам выборов до 61,7% депутатов были представлены казачеством, и только 8,7% были членами РКП(б). Органы ОГПУ области зафиксировали факты избрания бывших офицеров, членов Кубанской Рады и атаманов, и др. антисоветски настроенных элементов, которые составляли 5,9% от общего числа избранных депутатов [10, с. 30]. Новая избирательная кампания в условиях ограничения военно-коммунистических методов демонстрировала активность зажиточной части казачества, в том числе, желание быть избранными в руководящие органы местных

советов. На избирательных собраниях звучали лозунги избирать только «своих» и формировать «советы без коммунистов», которые были известны ещё в начале 1920-х гг. в период активного повстанческого движения. Жители станиц Кубани и Черноморья были против назначения на руководящие должности приезжих красноармейцев и коммунистов, которые отличались своими антиказачьими настроениями и допускали грубое отношение к местному населению, игнорируя основы казачьей самобытности. Такие идеи высказывались на выборных собраниях в большинстве станиц округа – Гривенской, Восточной, Ладожской, Некрасовской и др. Но казаки при этом отказывались возглавлять финансово-налоговые секции в местных исполкомах, так как это было связано с сбором налогов и сохраняло конфликтную ситуацию в станицах. Период «расширения» нэпа воспринимался казачеством как возможность возрождения своих сословных привилегий.

Отношение большевиков к проявлениям антигосударственных настроений было сдержанным. Явно выраженных репрессий не проводилось. Даже в ходе выборной кампании 1925/1926 гг. сельсоветы были переименованы в станичные советы. Но вместе с тем, представители областной партийной организации РКП(б) считали политику «лицом к казачеству» очередной уступкой сельскому населению, как и нэп в целом. Перестройка работы на местах велась посредством формирования беспартийного актива, который мог стать социальной базой будущих выборных кампаний. И уже в ходе подготовки к очередным выборам большевики вернулись к испытанным административным методам, мобилизуя своих сторонников, прибегая к помощи милиции и спецслужб, составляя списки кандидатов из числа коммунистов и комсомольцев. На это казаки отвечали: «Пусть рекомендуют, а на избирательных собраниях будет видно кого проводить в советы» [10, с. 38].

Однако выборная кампания 1926 г. продемонстрировала стремление зажиточной части сельского населения «оказачить» советы, подчинить низовой советский аппарат, взять под контроль передел земли, исключить иногородних и коммунистов из общественной жизни кубанской станицы. В ходе выборной кампании 1926 г. число коммунистов, комсомольцев депутатов в станичных советах сократилось почти в двое. Казаки-середняки продолжали занимать нейтральную позицию, но были солидарны с зажиточными казаками, голосуя за коренных жителей-казаков и отвергая кандидатуры бедняков и коммунистов. Лозунг «Кубань для кубанцев-казаков», который присутствовал в начале 1920-х гг. оставался актуальным на очередном этапе экономических и политических реформ. В период выборной кампании активно звучали призывы к созданию «Союза хлеборобов», с такой инициативой, как

правило, выступали зажиточные казаки и станичная интеллигенция.

Результаты. Большевики в начале 1920-х вынуждены были приступить к реформам, временно отказавшись от явно выраженных революционных действий, балансируя между расширением рынка, плановыми принципами и демократией. Необходимость укрепления социальной базы политической системы требовало принятия компромиссных решений.

Эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья в период с 1920 г. по 1926 гг. отличалась сочетанием военно-коммунистических, принудительных, внесудебных мер с элементами гражданского мира и расширения политических и экономических свобод крестьян и казаков. Идеология военного коммунизма на местном уровне, активно используемая партийными и советскими структурами, продолжала приносить результаты, поэтому воспринималась как эффективное средство государственного управления.

Корректировка курса в 1924 г. способствовала частичному отступлению от идеологии периода Гражданской войны, но принципы и классовое её содержание кардинально не изменились, продолжая в случае необходимости обращаться к насильственным, принудительным мерам воздействия на сельское население. Период с 1924 г. по 1926 г., характеризующейся «расширением нэпа», стал временем не только ослабления репрессивных мер со стороны большевиков, но и потерей их влияния на сельское население Кубани и Черноморья. Зажиточные казаки и их союзники откровенно, не боясь насильственных мер воздействия со стороны государства, выступали с антисоветскими лозунгами. Выборы в советы и активное сопротивление землеустроительным работам, проводимых в пользу бедняцких хозяйств, а также продналогу, стали реперными точками противостояния казаков и советской власти.

Если в отношении политических оппонентов большевики не применяли активных мер насильственного характера, то бывшие члены бело-зелёных формирований, которые находились под административным надзором становились объектом судебных решений. В 1926 г. суды области рассмотрели 111 дел, по результатам которых было вынесено 51 смертный приговор, а 18 человек отправлены в концентрационные лагеря [10, с. 58].

Власть и сельское население в 1924–1926 гг., согласившись на компромисс, отказались от военно-политического противостояния, достигнув промежуточных целей: большевики сохранили власть под контролем, а крестьяне и казаки вернулись к мирному созидательному труду, результатами которого могли распоряжаться самостоятельно. Это стало возможным в ре-

зультате эволюции внутренней политики большевиков, которые вынуждены были временно отказаться от явно выраженных радикальных

средств и методов государственного управления, регулирующих взаимоотношение власти и сельского населения.

Литература

1. Алешкин П. Ф. Крестьянство и власть: военный коммунизм в советской России // *Власть*. 2012. № 5. С. 143–145.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. 345 с.
3. Баранов А. В. Новейшая история России. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // *Новейшая история России*. 2013. №3. С. 112–125.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 241.
5. ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 30.
7. ГАКК. Ф. Р–104. Оп. 1. Д. 678.
8. ГАКК. Ф. Р–158. Оп. 1. Д. 32.
9. ГАКК. Ф. Р–581. Оп. 1. Д. 189.
10. ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Отдел специальных фондов МВД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1.
11. История Кубани с древнейших времён до конца XX века: Ч. 2 / А. В. Баранов, А. Н. Еремеева, А. В. Жинкин. Краснодар: Перспективы образования. 2011. 272 с.
12. Кожура О. И. Социально-психологический облик кубанского крестьянства и казачества в годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 244 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. Пленум ЦК РКП(б). Москва 23–30 апреля 1925 г. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 340–351.
14. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / отв. ред. В. В. Кондрашин, В. А. Юрченко. М., Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1046 с.
15. Кубань: 1920-е годы: сборник научных трудов / В.Е. Щетнев. Краснодар, 1996. 100 с.
16. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Издательство МГУ, 1968. 294 с.
17. Литвин А. Л. Красный террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.
18. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1977. Т. 40. С. 166–187.
19. Микоян А. И. В начале двадцатых... М.: Издательство политической литературы, 1975. 383 с.
20. Муравьева Л. А. Закат новой экономической политики // *Финансы и кредит*. 2002. № 23 (113). С. 87–95.
21. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 272 с.
22. Перехов Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1966. 270 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96.
24. Рожков А. Ю. Молодое поколение в условиях новой экономической политики: облик, проблемы, противоречия. 1921–1929 гг. (На материалах Кубани и Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 230 с.
25. Россия нэповская / Павлюченков С. А. [и др.]; под ред. А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.
26. Скорик А. П., Бондарев В. А., Матишов Г. Г. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27. № 5. С. 219–236.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.

References

1. Aleshkin P.F. Peasantry and Power: Military Communism in Soviet Russia. *Vlast'*. 2012;5:143-145. (In Russ.).
2. Baranov A.V. Multicultural society of the North Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar: Kuban State University; 1999. 345 p. (In Russ.).
3. Baranov A.V. Political sentiments of farmers of the Cossack South of Russia in the conditions of the "expansion" of the NEP of 1924-1926 (based on the materials of the OGPU information reports). *Novejshaya istoriya Rossii*. 2013;3:112-125. (In Russ.).
4. State Archive of the Krasnodar Territory (SAKT). F. R-102. Inv. 1. D. 241.
5. SAKT. F. R–102. Inv. 1. D. 32.
6. SAKT. F. R–102. Inv. 1. D. 30.
7. SAKT. F. R–104. Inv. 1. D. 678.
8. SAKT. F. R–158. Inv. 1. D. 32.
9. SAKT. F. R–581. Inv. 1. D. 189.
10. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory. Department of Special Funds of the Ministry of Internal Affairs. F. 18. Inv. 1. D. 1.
11. The history of Kuban from ancient times to the end of the XX century: Part 2 / A.V. Baranov, A. N. Eremeeva, A.V. Zhinkin. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. 2011. 272 p. (In Russ.).
12. Kozhura O.I. Socio-psychological appearance of the Kuban peasantry and Cossacks during the NEP years: PhD thesis. Krasnodar; 1999. 244 p. (In Russ.).
13. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Plenum of the Central Committee of the RCP (b). Moscow April 23–30, 1925. Moscow: Publishing of political literature. 1984. P. 349-351. (In Russ.).

14. The Peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: the national-regional aspect). Ed. by V.V. Kondrashin, V.A. Jurchenkov. Moscow, Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; 2017. 1046 p. (In Russ.).
15. Kuban: 1920s: collection of scientific works. Ed. by VE Shhetnev. Krasnodar; 1996. 100 p.
16. Kukushkin YS. Village Councils and class struggle in the countryside (1921–1932). Moscow: Moscow State University Publishing House; 1969. 294 p. (In Russ.).
17. Litvin AL. Red Terror in Russia. 1918-1922. Moscow: Jeksmo, Jauaza; 2004. 448 p. (In Russ.).
18. Lenin VI. Report at the I All-Russian Congress of Labor Cossacks in Full composition of writings. Moscow: Publishing of political literature; 1977. Vol. 40. P. 166-187 (In Russ.).
19. Mikojan AI. In the early twenties. Moscow: Publishing of political literature; 1975. 383 p. (In Russ.).
20. Muravyova LA. The decline of the new economic policy. *Finansy i kredit*. 2002;23(113):87-95. (In Russ.).
21. Pavljuchenkov SA. War Communism in Russia: power and the masses. Moscow: RKT-Istoriya; 1997. 272 p. (In Russ.).
22. Perehov JaA. The Communist Party's policy of involving the Cossacks of the Don and Kuban in Socialist Construction (1920–1925): PhD thesis. Rostov-on-Don; 1966. 270 p. (In Russ.).
23. Russian State Archive of Socio-Political History. F. 64. Inv.1. D. 96. (In Russ.).
24. Rozhkov AJ. The young generation in the conditions of the new economic policy: appearance, problems, contradictions, 1921-1929, based on the materials of the Kuban and the Black Sea region: PhD thesis. Krasnodar; 1992. 230 p. (In Russ.).
25. NEP Russia. Ed. by SA Pavljuchenkov. Moscow: Novyj hronograf; 2002. 468 p. (In Russ.).
26. Skorik AP, Bondarev VA, Matishov GG. Cossacks of the South of Russia in the Soviet Era: problems and prospects of scientific research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2022;27(5):219-236. (In Russ.).
27. Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory. F. 1. Inv.1. D. 18. (In Russ.).